

АССОЦИАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКО- ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

ASSOCIATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF LEXICAL- GRAMMAR MEANS OF POETIC WORKS BY ARSENIY TARKOVSKY

И. П. Кудреватых,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

I. Kudrevatykh,
*Doctor of Philology,
Professor of the Department
of Linguistics and Linguodidactics,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 16.01.23.

Received on 16.01.23.

В статье в аспекте коммуникативной стилистики художественного текста рассматриваются лексико-грамматические особенности поэзии А. Тарковского как условие ассоциативных возможностей когнитивной деятельности читателя. В результате ассоциативно-смыслового развертывания текста устанавливается прагматический потенциал категории персональности, синтаксической семантики грамматических форм на уровне ассоциативно-смысловых полей «судьба» и «память», категориальными доминантами которых выступают оппозиция отрицание / утверждение, настоящее вневременное. В качестве периферийной рассматривается временная оппозиция прошедшее результативное / настоящее вневременное. Устанавливаются логико-синтаксические отношения языковых структур – отношения дизъюнкции и противопоставления.

Ключевые слова: художественный текст; идиостиль; ассоциативно-смысловое поле; видовременная оппозиция; содержательно-концептуальная информация; категория персональности; синтаксическая семантика грамматических форм; логико-синтаксические отношения языковых структур.

In the aspect of communicative stylistics of artistic text, the article considers lexical-grammar features of poetry by A. Tarkovsky as a condition of associative possibilities of reader's cognitive activity. As a result of associative-sense unwrapping of text, there are established the pragmatic potential of personality category, syntactical semantics of grammatical forms on the level of associative-sense fields "destiny" and "memory", the categorial dominants of which are the opposition negation / affirmation, the present out-of-time. As periphery, the temporal opposition of past resultative / the present out-of-time is considered. Logical-syntactic relations of language structures – relations of disjunction and opposition – are established.

Keywords: artistic text; idiostyle; associative-sense field; tense opposition; content-concept information; personality category; syntactic semantics of grammatical forms; logical-syntactic relations of language structures.

Изучение художественного текста в аспекте коммуникативной стилистики характеризует новое направление современной функциональной парадигмы в языкознании – антропоцентрической, которая рассматривает текст как форму коммуникации, как когнитивную деятельность автора и читателя, в основе которой лежит ассоциативное развертывание смысловой структуры произведения. В теории регулятивности и текстовых ассоциаций, сложившейся в конце прошлого столетия, разработана методика выявления текстовых ассоциатов на основе моделирования ассоциативно-смысловых полей (Н. С. Болотнова, Л. Ю. Максимов, В. А. Пищальникова, А. М. Новикова, В. А. Ефремов и др.), устанавливающих между языковыми структурами различные логико-синтаксические отношения – пересечения, дополнения, тождества, контраста, взаимоисключе-

чения и др. с целью выявления содержательно-концептуальной информации. Художественный текст – один из самых сложных видов коммуникации, поэтому при его анализе функционально-коммуникативный подход является приоритетным, сближающийся с герменевтическим как толкованием имплицитного смысла. Цель данной статьи – охарактеризовать особенности лексико-грамматического формирования смысловой структуры художественного текста в результате моделирования ассоциативно-смысловых полей.

Основным понятием коммуникативной стилистики художественного текста является *идиостиль* как явление не только собственно лингвистическое, но и экстралингвистическое, поскольку организует разноуровневые языковые средства, отражающие языковую личность писателя в организации лексико-грамматической

структуры текста, которая определяет его ассоциативно-прагматический потенциал. Идиостиль сегодня – это не только индивидуально-авторское употребление языковых единиц и их стилистическая организация в условиях текста; это целый комплекс явлений, организующих авторское отражение действительности: лексико-грамматический уровень языковой системы писательского сознания, позволяющий разворачивать текст, наполняя его читательскими ассоциациями, что в перспективе приводит к постижению концептуальной картины мира писателя; это фоновые знания читателя, дающие возможность соотнести индивидуально-психологические и нравственно-этические ценности автора, наконец, это знание социально-исторических условий, связанных с возникновением художественного произведения.

Ассоциативное развертывание смысла художественного текста способствует созданию определенного коммуникативного эффекта, что особенно важно для адекватной его интерпретации. Как отмечает Ю. М. Лотман, «все новые и новые коды читательских сознаний выявляют в тексте новые семантические пласты. Чем больше подобных истолкований, тем глубже специфически художественное значение текста и тем дольше его жизнь» [1, с. 90]. При этом изучение текстовых ассоциаций должно осуществляться не только на уровне лексики, но и на уровне грамматических средств, т. к. «в определенные эпохи, – указывает Р. А. Будагов, – грамматика может быть социально более показательна, чем лексика» [2, с. 49], поэтому социальные функции грамматики могут расширяться.

Художественный текст характеризуется субъективной модальностью, его интерпретация зависит не столько от индивидуально-языковых особенностей автора, сколько от возможностей читателя – опыта, воспитания, образования и др. Постигание содержательно-концептуальной системы писателя как результат структурно-смысловой организации текста – процесс довольно сложный, поскольку установить прагматический потенциал лексико-грамматических единиц в результате ассоциативного развертывания художественного целого – значит, определить основу творческой системы писателя. Ассоциативные возможности категории персональности, синтаксической семантики грамматических форм в результате ассоциативно-смыслового развертывания текста проследим на материале поэтического сборника Арсения Тарковского «Книга травы».

Уже первое стихотворение «К стихам» пронизано чувством благодарности за тот дар, который поэт получил от природы, поэтому стихи для него, с одной стороны, *птенцы, душеприказчики, молчаливники, смиренники*, но с другой – *наследники, истцы, собеседники, гордецы*, т. е. стихи, в которых *любая строчка точит нож* («Слово»), поскольку дорога к творчеству была тернистой: *Я сам без роду и без племени / И чудом вырос из-под рук, / Едва меня лопата времени / Швырнула на гончарный*

круг. // Мне вытянули горло длинное, / И выкруглили душу мне. Такие контрастные смысловые отношения языковых структур присущи всему творчеству А. Тарковского, философское кредо которого поэт сформулировал в самом стихотворении «Книга травы». Оппозиция отрицание / утверждение, настоящее / вневременное становятся ядром ассоциативно-смысловых полей «судьба» и «память», или «категориальными доминантами текста» (А. В. Бондарко): *Я не город с кремлем над рекой, / Я разве что герб городской. // Не герб городской, а звезда над щитком / На этом гербе городском. / Не гостья небесная..., / Я разве что имя звезды. // Не голос, не платье..., / Я только светиться могу. // Не луч световой... Я ветвь меньшая от ствола России, / Я плоть ее, и до листьев моей / Доходят жилы влажные, стальные, / Льняные, кровяные, костяные, / Прямые продолжения корней. // Есть высоты властительная тяга, / И потому бессмертен я, пока / Течет по жилам – боль моя и благо – / Ключей подземных ледяная влага, / Все эР и эЛЬ святого языка* («Словарь»). Особенностью идиостиля писателя являются логико-синтаксические отношения языковых структур – отношения дизъюнкции, или взаимоисключения, и противопоставления как показатель его противоречивого мироощущения, т. е. поэт никак не может определиться со своим назначением на земле. Далее наблюдается усиление эмоционально-изобразительного эффекта: интонации становятся трагически напряженными: *Я – дом, разоренный войной; Я – память о доме твоём; Я – выстрела дальнего звук.* Обобщенный субъект повествования (условное 1-е лицо), предполагающий включение обобщенного адресата, скрытое сравнение как показатель уверенности в своем предназначении приобретают психологическую значимость: *Когда тебе придется туго, / Найдешь и сто рублей и друга. / Себя найти куда трудней, / Чем друга или сто рублей <...>. // Когда отыскан угол зренья / И ты при вспышке озаренья / С собой угадан до конца* («Стань самим собой»). Бинарная оппозиция будущее / прошедшее результативное, отношения противопоставления (легко найти друга, но себя...) рождает определенные ассоциации – все в прошлом, будущее призрачно.

Исследование синтаксических значений языковых структур в художественном тексте соотносится с понятием *интенциональности*, т. е. с целеустановками автора, вступающего в диалог с читателем. В этом плане любая грамматическая форма становится одним из актуальных элементов речевого смысла. В стихотворениях А. Тарковского актуализируется семантика категорий персональности (обобщенные 1-е и 2-е лицо) и времени – оппозиция прошедшее / настоящее постоянное, нелокализованное во времени, которые выступают периферией ассоциативно-смысловых полей «память» и «судьба»: *До сих пор мне было невдомек – / Для чего мне звездный каталог? // В каталоге десять миллионов /*

Номеров небесных телефонов, / Десять миллионов номеров / Телефонов марев и миров, / Полный свод свеченья и мерцанья / Список абонентов мироздания («Звездный каталог»); Так вот когда я стал самим собою, / И что ни день – мне новый день дороже, / Но что ни ночь – пристрастнее и строже / Мой суд нетерпеливый над судьбою... («Ночь под первое июня»).

В художественном тексте нет некоммуникативных единиц: «любое языковое средство обладает коммуникативной предназначенностью либо реально (коммуникативная реальность), либо потенциально (коммуникативная готовность)», – отмечает В. И. Шаховский, [3, с. 6], что наглядно подтверждается речевой формой художественного текста. Все языковые структуры становятся семантически осложненными, поэтому категория имплицитности, отражающая синтагматический уровень членения текста, является чисто ассоциативной. При этом авторские коды, которые организируются по метафорическим либо метонимическим моделям, заставляют читателя «включать» свою культурную память, свой ассоциативный потенциал как дешифратор авторского замысла. Наиболее продуктивным способом реализации языкового потенциала лексико-грамматических ресурсов являются метафора и сравнение, соединение которых способствует созданию косвенно обобщенной символизации, позволяющей наполнить стихотворение богатейшими ассоциациями. «Человек не столько открывает сходство, – отмечает Н. Д. Арутюнова, – сколько создает его..., особенности сенсорных механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое» [4, с. 9]. В. И. Шаховский указывает: «Человек переживает то, что отражает» [3, с. 7].

В художественной речи метафора употребляется сознательно, получая особое задание – воздействовать на сознание читателя, поэтому метафорическая модель выразительности как основа интерпретации текста позволяет сделать восприятие более наглядным, более ярким и глубоким: *Стол накрыт на шестерых, / Розы да хрусталь, / А среди гостей моих / Горе да печаль («Стол накрыт для шестерых»); Все на земле живет порукой круговой: / Созвездье, и земля, и человек, и птица, / А кто служил добру, летит вниз головой / В их омут царственный / и смерти не боится («Дума»).* «При метафорическом переосмыслении, – указывает В. Д. Стариченок, – усиливаются <...> качественные характеристики, в результате чего метафорический дериват, выражая семантическую двуплановость, усложняется коннотативно-социологическими и субъективно-модальными характеристиками. При этом на первый план могут выступать имплицитные, не совсем известные ассоциации, аналогии и сходства, которые рождают одну из характерных особенностей метафоры – ее трансгрессивность, незавершенность и гипотетичность» [5, с. 21]. Метафора А. Тарковского – это сложная система

переплетений, которые строятся как оппозиция аспектуально-темпоральных значений категории времени и смысловой насыщенности их семантики: настоящее постоянное в сочетании с будущим результативным или прошедшим длительным и временная нелокализованность как выражение вневременности рождает ассоциации неразрывной связи человека и окружающего мира: *Людская плоть в родстве с листвой, / И мы чем выше, тем упорней: Древесные и наши корни / Живут порукой круговой («Деревья»); Жаль, у пространств иная связь, / И времена живут иначе. // На белом свете чуда нет, / Есть только ожиданье чуда. // На том и держится поэт, что эта жажда ниоткуда / <...> Затем и на земле живем, / Работаем и узнаем / Друг друга по ее [кометы] приметам. // Что ей придется стать стихом, / Когда и ты рожден по-этом («Порой по улице бредешь»).*

Система языка – это не только его грамматическое устройство, но и его функции. «Системные языковые связи разноуровневых единиц художественного текста отражают общий механизм корреляции функционально-семантических полей эмотивности, оценочности, интенсивности, определяемый представлениями о реальной действительности...» [6, с. 111]. Метафора и сравнение как художественные ресурсы языка, выступая в определенной системе, эстетически воздействуют на читателя, создавая возможность многомерных интерпретаций художественного текста. Однако, как указывает Р. О. Якобсон, с художественной ролью словесных тропов могут с успехом соперничать морфологические и синтаксические категории [7], т. е. синтаксические значения грамматических форм, формирующие семантику текста, определяются коммуникативной потенциальностью языка. В. А. Звегинцев назвал семантику конституирующим стержнем языка, а Ю. Д. Апресян обозначил как семантический современный период развития лингвистики, точнее период коммуникативной лингвистики, когда коммуникативная функция языка, приобретающая в художественном тексте эстетическую ценность, наиболее полно проявляется в сотворчестве автора и читателя. И в этом плане поэзия А. Тарковского – это вечный диалог, и не только автора с читателем, но и со временем, поскольку он и современник, и воображаемый историк: темы памяти и судьбы как непреходящие ценности, отражающие неразрывную связь прошлого, настоящего и будущего (*Я в будущее втянут, как Россия*), – основные темы всего творческого пути поэта.

Для поэзии А. Тарковского характерна высокая степень метафоричности, при этом ассоциативно-образные средства метафорической номинации меняют функциональные возможности языковых структур, вызывая эмоционально-оценочную реакцию. Причем у Тарковского метафорический перенос осуществляется на уровне глагольных предикатов, сравнительных конструкций: *Кому свинец, кому петля, / кому-то быстрая чахотка. //*

В итоге обняла земля, / как сестры обнимают, кротко. // Они пророчили пожар, / они писали так и этак. // Ну а теперь они лежат / под взглядом трав, призором веток. <...> Над ними родина моя. // И выпадают в раз который / кому свинец, кому петля, / согласно вечным приговорам («Поэты»); Мне бы только теперь до конца не раскрыться, / Не раздать бы всего, что напела мне птица, / Белый день наболтал, наморгала звезда, / Намигала вода, наислила кислица, / На прожиток оставить себе навсегда / Крепкий шарик в крови, полный света и чуда («Мне бы только теперь до конца не раскрыться»).

В 1978 г. А. Тарковский написал стихотворение («Сколько листвы намело»), в котором метафорически обобщает свой жизненный путь и выражает маленькую надежду на будущее: *Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев, / Опустошенные, сплюснутые пузыри кислорода... / Крылья замученных бабочек, охра и пурпур надежды / На драгоценную жизнь, на раздоры и примиренья... // Листья, братья мои, дайте знак, что через полгода / Ваша зеленая смена оденет нагие деревья. // Листья, братья мои, внушите мне полную веру / В силы и зренье благое мое*

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М., 1970. – 384 с.
2. Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1976. – 263 с.
3. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж, 1987. – 192 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб.; пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–33.
5. Стариченок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме / В. Д. Стариченок. – Минск, 2018. – 290 с.
6. Коростова, С. В. К вопросу об эмотивности художественного текста / С. В. Коростова // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. – Ставрополь, 2013. – С. 102–111.
7. Якобсон, Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. Якобсон // Семиотика / общ. ред. Ю. С. Степанова. – М., 1983. – С. 462–482.

и мое осязание, / Листья, братья мои, укрепите меня в этой жизни, / Листья, братья мои, на ветвах удержитесь до снега. Используя императив со значением просьбы, мольбы, поэт как бы сравнивает свою судьбу с природными явлениями, когда после зимнего застоя жизнь возвращается с новой листвой, пурпуром и охрой бабочек, символизирующих пробуждение, новые силы для новых свершений.

Таким образом, особенности стилистической системы писателя, или идиостиля как результат ассоциативно-прагматического потенциала лексико-грамматических средств – показатель стилистических характеристик всей художественной системы А. Тарковского: логико-синтаксические отношения взаимоисключения, противопоставление лексических средств, бинарные видовременные оппозиции синтаксических значений грамматических форм, позволяющих ассоциативно разворачивать смысловую организацию художественного текста. Об Арсении Тарковском, вся жизнь которого – высокое служение поэзии, можно сказать его же словами: *Хвала измерившим высоты / Небесных звезд и гор земных / Глазам – за свет и слезы их!*

REFERENCES

1. Lotman, Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta / Yu. M. Lotman. – M., 1970. – 384 s.
2. Budagov, R. A. Chelovek i ego yazyk / R. A. Budagov. – M.: Izd-vo Moskov. un-ta, 1976. – 263 s.
3. Shahovskij, V. I. Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka / V. I. Shahovskij. – Voronezh, 1987. – 192 s.
4. Arutyunova, N. D. Metafora i diskurs / N. D. Arutyunova // Teoriya metafory: sb.; per. s angl., fr., nem., isp., pol'sk. yaz.; vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoj. – M.: Progress, 1990. – S. 5–33.
5. Starichenok, V. D. Obraz cheloveka v belorusskom yazykovom kontinuuume / V. D. Starichenok. – Minsk, 2018. – 290 s.
6. Korostova, S. V. K voprosu ob emotivnosti hudozhestvennogo teksta / S. V. Korostova // Yazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyj al'manah. – Stavropol', 2013. – S. 102–111.
7. Jakobson, R. Poeziya grammatiki i grammatika poezii / R. Jakobson // Semiotika / obshch. red. Yu. S. Stepanova. – M., 1983. – S. 462–482.